

Кубанский писатель

12+

№ 11 (1237)

ноябрь
2018 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

НА КУБАНИ ОТМЕЧАЮТ 100-ЛЕТИЕ ВЛКСМ

25 октября 2018 года в преддверии 100-летия ВЛКСМ в Краснодаре в Краевом Совете ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов прошло праздничное чествование ветеранов комсомола края, а также победителей Краевого творческого конкурса, посвященного этому славному историческому событию.

Открыл мероприятие, проводимое в Большом зале, первый заместитель председателя Краевого Совета ККОО «Ветераны комсомола Кубани» Денисов Николай Григорьевич. Он выступил с поздравительной речью к членам организации, почётным гостям и лауреатам конкурса.

Затем началась приятная и продолжительная процедура награждений, проводимая Телегиным Николаем Васильевичем – председателем Краснодарского городского отделения ККОО «Ветераны комсомола Кубани», заместителем председателя президиума Совета ККОО «Ветераны комсомола Кубани», и его помощниками – ветеранами, почётными членами организации.

Получали заслуженные дипломы и подарки конкурсанты разных возрастов – от школьников до пенсионеров, приехавшие из многих городов и районов Кубани. Ведь конкурс, организованный краевой общественной организацией «Ветераны комсомола Кубани» и посвящённый 100-летию юбилею ВЛКСМ, включил в себя: смотр-конкурс на лучшую постановку патриотической работы ветеранских и молодежных организаций муниципальных образований Краснодарского края

«Победные традиции комсомола – молодежи XXI века». В нём были следующие номинации: гражданско-патриотическое воспитание молодежи, трудовое воспитание молодежи, духовно- нравственное воспитание молодежи и гармонизация межнациональных отношений, спорт и здоровый образ жизни. А также конкурс на лучшую песню о молодёжи, художественный конкурс (номинации: живопись, графика). В литературном конкурсе отбирали лучшие стихи и прозу.

После вручения дипломов лауреатам началось награждение ветеранов комсомола от Международного Оргкомитета «Комсомолу – 100» нагрудным Орденом «Комсомольская Слава» и дипломом «Благодарность».

А в заключительной части анонсировался ряд мероприятий, которые пройдут под эгидой организации в Краснодаре и крае в юбилейные дни комсомола.

Следует отметить, что литературный конкурс проводился совместно с Краснодарским региональным отделением Союза писателей России. Руководителем организации «Ветераны комсомола Кубани» Н.Г.Денисову от имени писателей Кубани был вручён только что изданный к 75-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков сборник стихов и прозы «Русское слово Победа», а главные награды конкурса получили поэт Владимир Архипов и Светлана Медведева.

**Сергей Тимшин,
член жюри литературного
конкурса**

● В Курганинске прошёл районный фестиваль «Золотая роза» – «С тобой моё сердце, Россия», посвящённый 75-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков и 100-летию Комсомола. Гости, а делегации литераторов по традиции съехались в Курганинск со всего края, познакомились с тематическими выставками, рассказывающими о войне, истории комсомола Курганинского района, об известных деятелях Кубани. В фойе городского Дома культуры была представлена выставка из истории творческого объединения «Лель», книги литераторов Краснодарского края, по-

делки народных умельцев. С большой сцены участников фестиваля «Золотая роза» приветствовали заместитель главы муниципального образования Курганинский район Б.В.Панков и председатель КРО СПР С.Н.Макарова-Гриценко. Состоялся приём учащихся средней образовательной школы № 3 в ряды творческого объединения «Лель». Прозвучали стихи и песни в исполнении авторов, а также учащихся школ и хоровых коллективов. Бессменному организатору фестиваля Г.А.Кондаковой вручены благодарственные письма от Администрации Курганинского района.

● Большой писательский десант работал в Кубанском государственном университете 13 ноября. Студентам филологического факультета целых два часа кубанские литераторы рассказывали о своём творчестве и современном литературном процессе, читали стихи и отвечали на вопросы. А затем в университетской библиотеке для филологов и журналистов, а также студентов ФИСМО, ФППК, ИНСПО, РГФ прошла первая презентация новой книги. Члены Союза писателей России представили вниманию ребят и сотрудников университета сборник стихов и прозы «РУССКОЕ СЛОВО ПОБЕДА», выпущенный к 75-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков. Прозаики, поэты, публицисты С.Н.Макарова-Гриценко, Л.Бирюк, Н.Василинина, А. Ильяхов, Л. Мирошникова, А.Хагуров, В. Архипов, Т.Немчинова, Ю.Васин, ни на минуту не отпустили внимание слушателей. И презентация прошла на одном дыхании. В ней приняли также участие председатель Совета молодых литераторов Кубани при КРО СПР Эллина Савченко и Дарья Владимировна.

«Воспоминания писателей, их рассказы тронули студентов и сотрудников университета до глубины души, не оставили никого равнодушными. Такие встречи важны и необходимы, как студентам, так и писателям и поэтам!» – сообщил Рупор библиотеки <https://vk.com/club59134968> А декан факультета журналистики Евгения Алексеевна Жиркова и директор библиотеки КГУ Марьяна Аскерова Хуадэ заверили писателей, что обоюдное сотрудничество обязательно продолжится

● 9 ноября в рамках празднования 200-летия со дня рождения И.С. Тургенева в Орле состоялась встреча губернатора области Андрея Евгеньевича Клычкова с председателем Союза писателей России Н. Ивановым, секретарями СП России А. Бобровым, Н. Старченко, руководителем региональной писательской организации А. Фроловым и главным редактором издательства «Вешние воды» А. Лысенко.

Н.Ф. Иванов поблагодарил руководство области за внимание к проблемам, стоящим перед писателями третьей литературной столицы России (это звание неформально было присвоено Орлу в 2004 году во время выездного съезда СП России. Тогда же область ввела стипендии своим писателям, именно в Орле были возрождены Всероссийские литературные премии и литературно-патриотические чтения).

Время внесло свои коррективы в эту совместную деятельность: в крае сменилось три губернатора, ушёл из жизни Геннадий Андреевич Попов, долгие годы возглавлявший творческий Союз.

– Мы не намерены утрачивать своё литературное звание, – подчеркнул А.Е. Клычков. – И не согласны на третью очередность. Мы – столица литературной России. И предлагаем Союзу писателей возобновить самые тесные контакты. У нас прекрасные возможности принимать, например, выездные совещания писателей в Орловском Полесье. И я жду предложений от писателей и управления культуры по

организации таких мероприятий в самое ближайшее время.

– Мы стремимся сделать все, чтобы творческое наследие литературной столицы России было сохранено, приобрело новое звучание, – подчеркнул он.

Председатель СП России попросил учесть пожелание секретариата, организуя в рамках этого проекта школу обучения и общения для руководителей региональных Советов молодых литераторов. Губернатором поддержана идея при завершении юбилейного тургеневского года объявить литературную премию «Отцы и дети» (название предложил Н.Н. Старченко), которая подчёркивает преемственность в литературном процессе и позволяет отмечать работу тех, кто долгие годы занимается с литературными объединениями.

Были обсуждены и другие направления совместной деятельности.

Губернатор области вручил московским гостям памятные медали в честь 200-летия И.С. Тургенева.

По итогам встречи даны поручения начальнику управления культуры Орловской области и руководителю региональной писательской организации подготовить документы и конкретные предложения по затрагивавшимся темам. Практика показывает, что расширение и укрепление горизонтальных связей Союза писателей России с губернаторами на данный момент является наиболее эффективной формой работы.

Союз писателей России продолжает расширять контакты и находить новые формы работы с одарённой молодёжью.

В рамках Всероссийского совещания молодых писателей «Драматургия слова» в Уфе председателем правления СП России Н. Иванов подписал с руководством Башкирского государственного педагогического университета Соглашение о взаимодействии в вопросах подготовки филологов. Университет готов предоставить свои площадки для проведения регулярных мастер-классов с известными писателями России, на которых будущие учителя русского языка и литературы могли бы напрямую общаться с авторами книг, давать анализ литературного процесса в стране, постигать творческую кухню писателя. В данном учебном заведении активно работает литературная школа «КоРифей», создано «Содружество студенческих литобъединений». И то, что отныне их деятельность будет осуществляться и направляться с помощью писателей России, придаст им, вне сомнения, динамизм и профессионализм.

Как сказано в документе, Союз писателей будет способствовать приезду в Уфу значимых российских писателей для участия в проекте «Литературные гостиные», а также поддерживать проекты «Содружество студенческих литобъединений» и «Всероссийская литературная школа «КоРифей», рекомендуя членам Союза писателей России принимать участие в проведении для них семинаров и других мероприятий.

Пресс-служба СП России

КНИЖНЫЙ МИР

ВОЙНА У КАЖДОГО – СВОЯ

«Русское слово – ПОБЕДА». Под таким названием вышел в свет сборник, посвященный 75-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков, изданный Краснодарским региональным отделением Союза писателей России. В стихах и прозе авторы выразили своё гражданское и человеческое отношение к событиям, которые минули давно, но не будут забыты никогда. Под одной обложкой опубликованы слова, мысли, чувства писателей нескольких поколений, – от фронтовиков до молодёжи, не нюхавшей пороха. Однако, судя по текстам, среди них нет ни одного автора, кого тема войны не задела бы своим огненным крылом. Самое удивительное в этой книге – общность столь разных, ушедших и ныне здравствующих писателей в их отношении к войне. Строгая хронология, в соответствии с которой расположены тексты в сборнике, не мешает авторам как бы меняться местами, вызывая друг друга на межпоколенную «переключку», где перескакаются и высекаются – из события, неосознаваемого озарения, внутреннего поэтического пламени – искры живого человеческого чувства, не позволяющего формализовать патетическую военную тематику.

Первый день войны, мобилизация, военное детство, вдовы-солдатки, оккупация, голод, трудное выживание на миру, где, как известно, и смерть красна, и Победа – эти и многие-многие другие моменты жизни и борьбы за освобождение родной Кубани от фашистской нечисти запечатлены на страницах сборника. Читаешь и дивишься, насколько меткой и острой может быть поэтическая мысль, заставляющая застыть в изумлении от найденного свежего образа, достоверной бытовой детали, прочувствованного переживания.

«Процались бабы с мужиками под рёв недоенных коров», – пишет Николай Зиновьев в поэме «Дед мой» о начале войны так, что кажется, будто он сам уходил на фронт с этого осиротевшего деревенского двора.

И дальше – о бойце, подорвавшемся на mine:

**«А он уже глядел на солнце,
Как в темноту, не щуря глаз...»**

Словно вторя собрату по призванию, Вячеслав Динека, сравнивает завидный вороний век с хрупким солдатским и огорчённо вздыхает о том, что **«противотанкисты так долго не живут»**. В другом месте поэт делится с читателем неожиданной находкой, увидев, **«как туча себя разжигает грозой»**.

От имени всех земляков, переживших оккупацию, Валентина Саакова вспоминает:

**«В голодные года
Под черноморским небом
Была мне лебеда
Сиротским горьким хлебом».**

Протягивая руку дружбы из века XXI-го в век XX-й и раздвигая рамки военной тематики, Владимир Архипов задумывается о событии, случившемся через полвека пос-

ле войны, – распаде СССР, который лично для него равен распаду семьи:

«Кто придумал в семье границы?»

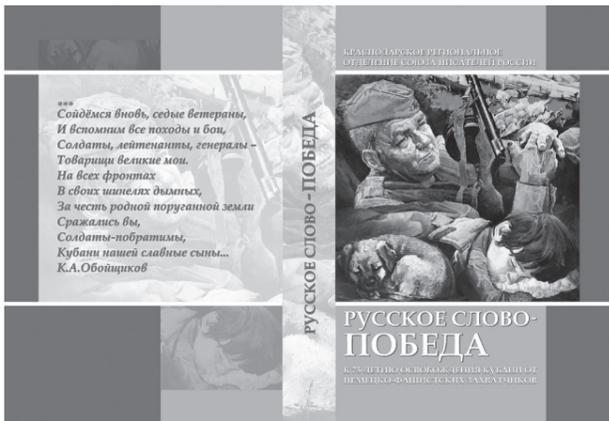
... «братцы»

Несемейной ориентации».

С проникновенной искренностью ветеран ВОВ Виктор Гончаров **«от имени погибшего себя»** описывает **«открытую солдатскую тоску»:**

**«Свинцовых пуль трассирующий росчерк
Окончил биографию мою».**

У Виталия Бакалдина, как и у многих других ветеранов-кубанцев, был свой особенный день войны – 12 февраля 1943, день победного сражения на родной земле, в Краснодаре. Поэт ищет и находит **«меру счастья»**, с помощью которой ему удаётся **«через лета»** живо ощутить радость победы. Счастье воплотилось в такой, казалось бы, малости:

**«И только катятся дождинки,
Как в том далёком феврале».**

Но ведь эти дождинки – продолжение сегодняшней жизни в доме, устоявшем в огне войны!

Эту мысль подхватывает и развивает ещё один поэт XX века Виталий Бардадым:

**«Житейские невзгоды все пройдут ...
А доблести останутся в роду,
И ратный труд,
и подвиг дерзкий...»**

О роли кубанского казачества в великой Победе кратко и исчерпывающе сказал на страницах книги фронтовик, теперь солдат небесного воинства, Иван Варавва:

**«Казак из дальних и ближних станиц -
Особой чеканки порода».**

Об этой особой казацкой породе тепло, исповедально рассказала Людмила Бирюк в очерке «О казаках-гвардейцах и моём отце». В нём удивительным образом соедини-

лись история жизни потрясающе интересного человека, написанная его дочерью и неразрывно связанная и с историей Кубанского казачьего корпуса, и с краткой историей всей Великой Отечественной войны. Здесь каждому слову веришь, за каждого живо и лаконично изображённого героя переживаешь, а за явную писательскую удачу автора радуешься.

Подобными откровениями, серьёзными размышлениями, лично пережитыми эмоциями авторов насыщена и прозаическая часть сборника, куда вошли рассказы С. Дервянко, С. Макаровой-Гриценко, А. Мартыновского, С. Левина, О. Хомич-Журавлевой и других, очерк Е. Сухановой о героях Анапы, творческий портрет Н. Василининой, посвященный известному поэту-воину С. Эминову, и обзорная статья Т. Немчиновой о кубанских литераторах.

Отличительной особенностью всех новеллистов явилось их щепетильно-бережное отношение к героям – не выдуманному, а словно шагнувшему в книгу из житейских будней.

Ветеран войны Андрей Федорченко, герой Степана Дервянко, определившего жанр своего повествования как рассказ-быль, – это **«уходящее на закате солнце... Завтра оно взойдёт с утра новыми жизнями»**. В непрерывности жизни, по мысли писателя, и состоит её смысл.

Своей матери Клавдии Васильевне посвящает рассказ «На закате» Светлана Макарова-Гриценко. И это – неспроста. На малом пространстве жанра автор успеваешь показать и страшный оскал войны, и сложную психологию человеческих отношений, и неизжитую вдовью тоску и любовь, и беду мальчишеской безотцовщины. Такие живые «показания» могли дать только живые, настоящие свидетели, среди которых, думается, была и Клавдия Васильевна – дитя войны.

Оригинальный по замыслу и воплощению рассказ «Бесмертный» вышел из-под пера Сергея Левина. Преодолевший границы сугубо военной темы, рассказ, думается, будет интересен читателям разных возрастов – от внуков до дедушек.

Документализм, в большинстве текстов отчётливо преобладающий над художественным вымыслом, не только не ослабляет эстетическое начало книги, а поднимает его на гражданско-публицистическую высоту, что в данном случае и уместно, и оправдано. Войну нельзя выдумать (как справедливо замечает С. Макарова-Гриценко в написанном лаконично, по-деловому предисловии), её можно лишь пережить или вспоминать, прокручивая в сознании перипетии судьбы снова и снова, ибо ни одно даже самое яркое событие не сопоставимо со всенародной трагедией, какой была Великая Отечественная война.

Ценность книги «Русское слово – ПОБЕДА» и заключается в том, что каждый из её создателей сумел увидеть великое через малое, социальное – через личное, индивидуальное. Благодаря этому вырастающее со страниц представление о войне, не теряя масштабности, становится конкретно-личностным, адресованным уму и сердцу каждого читателя.

**Зинаида Палиева,
главный редактор НЛХО «Парус»,
г.-к. Анапа**

Трибуна публициста

Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки.

Не имеющий чистой и светлой музыки, народ обречён на вырождение.

Конфуций.

«Битва за мечту начинается. Новый сезон. Перезагрузка». Узнали? Конечно, это – «Голос»! Тот самый телевизионный проект, который вызвал в своё время не только огромный интерес телезрителей, но и дал повод для надежд. Казалось, теперь-то мы точно услышим новые голоса, увидим молодые таланты, которые сменят надоевшую попсовую камарилью. И зазвучат, наконец, русские мелодии, сродни тем, про которые о. Тихон Шевкунов сказал, что в советское время песня заменяла молитву, ведь недаром среди наставников Александр Градский. Вернётся в эфир фольклор народов России, иначе и быть не должно в многонациональной стране. Оптимизм здесь внушала наставник Пелагея, исполнительница народных песен. И вот Первый эфир, произошло это 5 октября 2012 года, и открылся он песней группы The Beatles «Let it be», которую браво исполнили наставники Дима Билан, Пелагея, Александр Градский и Леонид Агутин. Конечно, песня эта была выбрана совсем не случайно. Но в далёком 2012 мало кто из телезрителей понимал, что ключевым словом проекта является «перезагрузка».

Чтобы увидеть динамику этого процесса, достаточно сравнить количество песен

Переагрузка

на русском и иностранных языках, прозвучавших за шесть прошедших сезонов. И вы убедитесь, насколько уменьшилось число песен отечественных. Ещё неприглядней станет картина, если добавить «Голос дети». Устроители не пощадили юных вокалистов и заставили их истерить и визжать так же, как это делают взрослые. И, конечно, на английском, изредка французском. Обезьянье подражание западным исполнителям. У пожилых вокалистов (дань пенсионной реформе) не лучше... И дети, и взрослые проекта «Голос» кричат до разрыва аорты и хвастают произношением. Проект не только успешно выкорчевал лирику, он плотно засеял освободившееся пространство западными синглами. Какая музыка звучит, когда мы гуляем в парках и скверах, сидим в кафе? Когда заходим в торговые центры, наконец? Только иноязычная. В День города и в столице, и в провинции – сплошь иноязычная. Почему в День города Краснодара в сквере Жукова звучит «Hotel California» или «Dancing Queen»? И на Красной площади в Новогорье, и во Внуково (Новая Москва) на детском празднике для самых маленьких. Не раз спрашивала устроителей: почему? Во Внуково мне ответили, что причиной – авторские права, якобы с отечественной музыкой сложнее. И «нарезку» сделать – проблематично. Согласитесь, звучит очень странно.

Мы все привыкли к тому, что подростки

и молодые люди постоянно в наушниках, в транспорте, на улице. Как вы думаете, какую музыку они слушают? Сомневаться не приходится. Прибавьте вывески на тотальной латинке на улицах наших городов. Какой образ родины формируется с раннего детства у нашей молодёжи?

Но вернёмся к «Голосу». Переагрузка прошла довольно незаметно и очень успешно. Новых талантов особо не наблюдается. Они, конечно, есть. Но больше похожи на падающие звёзды – сверкнули и погасли. Эфир принадлежит всё той же попсе и тюремному шансону (передача «Три аккорда» – апогей блатной музыки на ТВ), жиденько разбавляемые джазом. Последним особенно радует канал «Культура FM», который может полдня «травить» население примитивными джазовыми композициями в мажорных тональностях. Как будто исполняется завет Геббельса, он рекомендовал транслировать на оккупированную территорию только весёлую музыку.

Всё это очень уместно сочетается с новыми гуманными установками в нашем образовании: никого не грузить, не напрягать, не огорчить, ни в коем случае не дать понять лодырю, что он лодырь, а дураку – что дурак. Учение должно быть сплошным развлечением и фаном. За всем этим гуманизмом просматривается глобальная задача: вырастить придурка с пустой головой, в которую можно залить

всё, что требуется. Впрочем, «придурок» – это непolitкорректно. Выработан другой термин – «альтернативно одарённый». Вот он-то как раз и нужен. Ему можно впарить любые, сколь угодно бесполезные, товары и втюхать любые, сколь угодно фантастические, политические утки. Уже выросло поколение, абсолютно не знающее географии: они не разрисовывали контурные карты и не выучивали «глупости» вроде названий и высоты гор, названий областей или как проходит граница между Европой и Азией. Зачем? Надо будет – погуглю. Но человек, не имеющий базовой информации в голове, а не в компьютере – мыслить не может. **«Му нечем мыслить, не из чего построить свою мысль»**. Материала нет.

В мире без мелодии – отсутствует и душа, она не развивается, усыхает. «Музыка так же, как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвой этого народа, с его историческим развитием», – писал Владимир Васильевич Стасов. И продолжает: «Нигде народная песня не играла и не играет такой роли, как в нашем народе, нигде она не сохранилась в таком богатстве, силе и разнообразии, как у нас». Но, увы, всё это в прошлом теперь. Из нашей жизни изгнали мелодию, служившую выразителем больших чувств, убрали мысль, лишили песню национального содержания.

Каток глобализма преследует нас, не оставившись ни на минуту.

Проект «Голос» начинает свой седьмой сезон. Там теперь нет Градского, нет Пелагеи. Там был Лепс, теперь Шнур...а кто будет завтра?

Светлана Макарова-Гриценко

К 100-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

Светлана Медведева

«ТОЛЬКО ВПЕРЁД...»

К 100-летию ВЛКСМ

Бег времени не страшен героям. Шагают они вечным строем – Спартак, Гарибальди и Овод зовут нас на подвиги снова. В борьбе сил полны и отваги Чапаев и Павка Корчагин...

1942 год. Держится, героически держится Ленинград. В типографии, закрытой пять месяцев назад, – свет. Бледные голодные наборщики, вручную вращая машины, набирают «Как закалялась сталь» Н.Островского.

Тираж 10 000 экземпляров разоидется за два дня!

Сергей Тюленин, один из самых бесстрашных подпольщиков из Краснодона, мечтал быть похожим на Павку... Когда полиция с собаками пришла за Ваней Земнуховым, на тумбочке, около Ваниной кровати, лежал раскрытым роман Н. Островского.

Один из ветеранов вспоминает, что его не удивили на стене рейхстага нацарапанные штыком слова: «Дошёл до Берлина. Павел Корчагин».

Как-то само собой получилось, что во время Великой Отечественной войны героев боев называли корчагинцами.

«Только вперёд, только на линию огня, только через трудности к победе...»

И никуда иначе». Это девиз советского писателя-коммуниста Николая Алексеевича Островского (1904 -1936). В пятнадцать лет юный кавалерист-будёновец Микола Островский с оружием в руках боролся с врагами советской Родины. Тяжелое ранение под Львовом жесточайшим образом сказалось на его здоровье. В восемнадцать лет врачами он был отправлен на пенсию. А вместо пенсии Николай с энтузиазмом строит железнодорожную ветку к станции Боярка осенью 1921 года. Но с начала 1927-го лежит неподвижно на спине, немного шевеля кистями рук и пальцами. Ему – всего 23 года! И вот ещё один удар – неуклонно наступает слепота. Но Островский – коммунист ленинского призыва, принимает решение – бороться до последнего удара сердца за право жить и работать для Родины, для народа.

Начинает писать, ещё своей рукой, повесть о бригаде Котовского. Повесть при пересылке в редакцию безвозвратно утеряна. И вновь Островский судьбе бросает вызов: «Сталь закаляется при большом огне и сильном охлаждении. Тогда она становится крепкой и ничего не боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных скитаниях и училось не падать перед жизнью». Так говорил писатель в беседе с корреспондентом лондонской газеты «Ньюскроникл» о своем новом романе «Как закалялась сталь».

Пишет Островский почти наугад (глаза ослабели), трудно разобрать написанное. Тогда Николай с помощью друзей изобретает транспарант – папку с горизонтальными прорезями, по ним карандаш мог двигаться, почти не смещаясь... Скоро оказался бесслышным и транспарант. Помочь вызвалась соседка по квартире – Галя Алексеева, которая согласилась приходить по утрам и записывать под диктовку автора главы романа, обдуманные за ночь. Так Галя стала первым из девяти комсомольских, добровольных «секретарей» писателя.

8 мая 1932 года Островский получил апрельские номера журнала «Молодая

гвардия». На обложке журнала вместе с именами известных писателей и поэтов: М.Светлова, А.Безыменского, В.Гусева, Вилли Бределя, А.В. Луначарского стояло имя «Н.А. Островский». «Я счастливый парень – дожить до такого времени, когда некогда дыхнуть, когда каждая минута дорога...» – писал Николай. В 1934 году роман «Как закалялась сталь» издаётся на польском языке, потом, несколько дополненный автором, – на украинском. И вот – первое массовое издание тиражом 100 тысяч экземпляров.

«Своего главного героя – Павку Корчагина – Островский взял скорее всего из реальной жизни. Часть образа он списал с самого себя, другую часть добавил из биографии своего друга красноармейца Д. Хоружного. Так что образ Корчагина – скорее реальный и собирательный, нежели вымышленный...» (М. Бурцева).

«Павел Корчагин – наш, герой советского времени», – пишут Островскому Герой Труда кузнец П.Бусыгин и колхозница Паша Ангелина, болгарская комсомолка Лилия Кара-Стоянова и венгерский писатель-коммунист Мате Залка. С 1936 года под именем генерала Пауля Лукача Мате Залка командует славной 12-й Интербригадой республиканцев. Но однажды генерал рассказал своим товарищам, что умер пролетарский писатель Н.Островский. В декабре 1936 года двенадцати танкистам-корчагинцам были присвоены звания Героев Советского Союза.

Только в 1972 году, 40 лет спустя после выхода книги «Как закалялась сталь» в Союзе, барселонское издательство «Акал» впервые выпустило на испанском языке роман Н.Островского. Журналист чех Юлиус Фучик («бесстрашный Юлек») читал эту книгу в 1935 году, а кадровый офицер чехословацкой армии Людвик Свобода после войны приедет в Сочи в Дом-музей писателя Островского, а затем пришлет экземпляр нового издания романа из ЧССР.

Английское название на русский переводится как «Становление героя». Островский просил непременно добавить: русского героя.

1 мая 1936 г. Николай Островский получил письмо от своего французского товарища, брата и учителя, как он называл Романа Роллана, который познакомился с некоторыми главами романа. А молодой профессор Валентин Фельдман перевёл «Как закалялась сталь» на французский язык. Когда фашисты вторглись во Францию, В.Фельдмана – активного участника Сопротивления – арестовали. Ранним утром 27 июля 1942 г. в гестаповской тюрьме он уйдёт из жизни: «Мне суждено погибнуть, но книга, мной переведённая, будет служить моему народу...».

«В Японии впервые роман был издан в 1936 г. Экземпляр на японском языке дер-

жал в руках Н.Островский. А вообще «Как закалялась сталь» в Японии издавалась двадцать три раза!» (Г.Г. Доступова).

В югославском селе Велики Шиялговац, в Восточной Сербии, перед зданием сельской школы стоял бронзовый памятник юноше с высоким лбом. На постаменте были выбиты слова: «Народному герою Югославии Велизару Станкович-Корчагину (1922 – 1942)». Уцелел ли памятник после варварских бомбардировок американской авиации на рубеже тысячелетий? Кто знает!

В 50-е годы прошлого века в ГДР роман был издан под названием: «Wie der Stahl gehärtet wurde» – «Как закалялась сталь».

Среди металлургов венгерского города Озда и будапештского завода «Икарус» в 30-е годы и в 70-е был такой знакомый девиз: «Кто не герой, тот коптит. Да здравствует пламя жизни!»

Роман пользовался большим успехом в Греции, в Польше, в Индии на хинди под названием «Агни Дикша», что по-русски означало «Испытание в огне».

Но если на Мадагаскаре произведения советских писателей открыто продавались, то в Турции книги издавались с риском для жизни.

О Павке Корчагине знали в Кении и в Анголе, в Алжире и Бангладеш. Кубинские воины посетили в Сочи музей Островского и записали в книге отзывов еще в 50-е годы: «Родина или смерть! Мы победим! Примером служит нам Корчагин!».

Первый неполный перевод книги «Как закалялась сталь» с французского языка (вспомним В.Фельдмана) на вьетнамский был сделан в 1945 г., тайная военная типография выпустила книгу в 1954 г. Оформление скромное, бумага серая. Один из бойцов базы южновьетнамских патриотов переписал книгу советского писателя в самодельную тетрадь, сшитую из розовато-красных листов школьных тетрадей. Эта самодельная историческая «Красная тетрадь» в 1966 г. будет подарена музею Островского в Москве от молодежи Вьетнама.

Преподаватель Лиссабонского университета профессор философии певец Жозе Барат-Моур приехал в Сочи на фестиваль и спел песню «Товарищ песня» (текст Р.Рождественского) из телефильма «Как закалялась сталь». «Я снова поднимаюсь по тревоге...». Португальскому певцу была присуждена премия имени чилийского певца-коммуниста Виктора Хары. Все они – из мужественного племени комсомольцев-корчагинцев. И мы тоже.

*Нас не выбьет ничто из седла.
Ждут великие завтра дела.
Мы спешим на границу огня,
Где слова, словно пули звенят.
Ни минуты покоя в судьбе, –
Нам нельзя заскучать, оробеть.
Наш Корчагин летит впереди,*

*Звонко радуясь песне в груди.
С верой в правду открытой души
По Островскому жизнь нам вершить.
Жизнь даётся один только раз
С восхищённым сиянием глаз,
С неумным желаньем творить,
Любям счастье и подвиг дарить!*

Молодые комсомольцы-железнодорожники (теперь изрядно поседевшие, но с юной душой) украинской станции Шепетовка гордятся тем, что живут на родине Николая Островского. И хранят почётный знак, на котором изображен силуэт юноши в будёновке (богатырке, фрунзевке) и горящий факел.

Космический мост к звёздам Ю.Гагарина и В.Терешковой начинался на Земле, где труд был делом чести.

С 1972 года корчагинцы штурмуют вековую тишину тайги и тундры в районе Байкало-Амурской магистрали. Над палатками встают опоры ЛЭП. На севере Забайкалья, в Таксимо, мечтают о городе Корчагин. Построили корчагинцы свою мечту по заветам Николая Островского?

*Нет, ничего страшнее нет,
чем выйти мне из строя,
из строя вырвет только смерть,
а в жизни нет покоя.*

*Невыносима жизнь – сумею
её полезной сделать,
в любой из самых грозных дней
смотри и думай смело.*

*Есть для чего на свете жить
в стране моей любимой,
и каждым мигом дорожить
в судьбе необходимо.*

*Всегда у матери в долгу,
в долгу и у Отчизны,
на этом светлом берегу
жить, не жалея жизни.*

*«Вперёд – на линию огня,
и никуда иначе!» –
вот мой девиз, и у меня
он больше, чем удача.*

*Дается жизнь один лишь раз,
трудом наполни каждый час!*

Вернёмся в 1932 год. Коммунист Николай Алексеевич Островский, сдвинув брови, тонкими нервными пальцами «осматривает» книгу, тщательно ощупывает её. Ему 28 лет. Истинно комсомольский возраст. Три года назад потухли его тёпло-карие, ещё недавно такие живые лучистые глаза. Друг, стоящий рядом, описывает внешний вид сигнального экземпляра первой части романа «Как закалялась сталь»: «Серебристо-серый переплёт, на обложке изображены штык и зеленеющая веточка с двумя свежими листочками...».

Скольким судьбам помогла «Сталь...» выпрямиться и стать в жизненный строй! А кого сегодня эта вечная книга направляет на борьбу за высокие человеческие идеалы? И на сколько ещё веков людям хватит огня мужественной стали, отлитой Николаем Островским?

4 октября в 15 часов в краснодарской библиотеке имени Некрасова состоялась презентация документального фильма «Юрий Кузнецов. Взгляд с востока», в котором авторы через образ главного героя связали якутскую и краснодарскую земли, в частности, город Тихорецк.

Казалось бы: где Якутия и где Тихорецк, в котором, как это отмечено в выпущенной в текущем году силами тихорецких литераторов небольшой литературной энциклопедии «Родник и родниковцы», начиналась литературная жизнь Кузнецова. Следует отметить, что «Родник и родниковцы» – «...книга о тех, кто своим литературным творчеством прославляют свою малую родину, и по которой наши дети и внуки будут в будущем изучать историю родного города,

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ

или что приходит в голову после презентации хорошего документального фильма

(ЭССЕ)

родной станицы... Некоторых из авторов уже нет, но память о них жива и будет жить в их произведениях».

В предисловии к этой книге о поэте 70-90-х годов теперь уже прошлого века о Юрии Поликарповиче Кузнецове сказано: «Как поэт Юрий Кузнецов начинался в г. Тихорецке. Он ходил по нашим улицам, учился в нашей школе № 3. В 1957 году в газете «Ленинский путь» было напечатано его первое стихотворение «Тракторист». Ю.П.

Кузнецов был активным участником первого Тихорецкого литературного объединения, пока ещё не носившего название «Родник», в работе которого вместе с ним участвовали Валерий Горский и Генрих Ужегов (в фильме есть эпизод с участием Генриха Николаевича – автор)... Последний раз Ю. Кузнецов приезжал в Тихорецк в 2002 году. Он был почётным гостем Тихорецкого исторического музея, заходил в редакцию газеты «Тихорецкие вести», где больше

часа беседовал с главным редактором Е.М. Сидоровым и с сотрудниками редакции».

Спроси среднестатистического жителя России, что он знает о Якутии? В лучшем случае услышишь что-нибудь о кимберлитовой трубке с алмазами да о полюсе холода Оймякон. Ну, разве ещё об оленеводах вспомнят да о реке Лене, подтопившей Якутск несколько лет назад...

Спроси того же среднестатистического российского обывателя о

Тихорецке и скорее всего услышишь в ответ: «На Тихорецкую состав отправится...» – строчку из песни, спетой Барбарой Брыльской голосом Аллы Пугачёвой в известнейшей кинокомедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы или с лёгким паром».

А меж тем Тихорецк дал литературе помимо Кузнецова такие имена, как Аркадий Первенцев, Валерий Горский, Александр Скоков. Да и сегодня, в основном немалыми стараниями Г.Н. Ужегова, Тихорецк является весьма значимым местом на литературной карте Краснодарского края. Только за последние годы отсюда вышли четверо членов Союза писателей России, включая и автора этих строк.

(Окончание на стр. 4)

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ

или что приходит в голову после презентации хорошего документального фильма

(ЭССЕ)

(Окончание. Начало на стр. 3)

И вот каким-то совершенно непостижимым образом якутский писатель Николай Алексеевич Лугинов снимает фильм о Юрии Кузнецове, с которым был в своё время лично знаком. Причём, автор-идеолог фильма красной нитью проводит через повествование мысль о том, что творчество Юрия Поликарповича стало квинтэссенцией русского патриотизма и русского языка вне зависимости от того, кто говорит на этом языке – якут, кабардинец, адыг, татарин или башкир... Потому хотя бы, что в пору испытаний, какой явилась воспетая Кузнецовым Великая Отечественная война (и не только она), все они становились единым монолитным многонациональным **русским** народом, объединённым единой целью и единым великим языком...

Но это было тогда, в пору и великих бед, и великих свершений. Тогда было с одной стороны очень трудно, а с другой стороны – легко. Лучше всего о том времени можно сказать словами бывших фронтовиков: «На войне всё понятно и однозначно – рядом в окопах свои, впереди враг, над тобой – отцы-командиры...»

Пятьдесят минут, столько длится фильм, пролетают совершенно незаметно, а в голове роятся и бьются друг о друга мысли, мысли, мысли: куда мы идём, что я сегодня представляю собой как писатель, что будет с нашей литературой и с нашим языком?

Почему? Да потому, что в своём повествовании Н.А. Лугинов показал через героев фильма весьма высокую планку, которой соответствовала когорта литераторов, к коим принадлежал и Ю.П. Кузнецов.

А что мы имеем сейчас? Союз писателей России, которому вот-вот исполнится 60 лет с тех пор, как наконец-то был учреждён Союз писателей РСФСР, в отличие от имевшихся в союзных республиках соответствующих писательских организаций до той поры просто не существовавшего. И этот Союз опять же в отличие от времён СССР, когда писатели, что там говорить, были обладателями власти, которая понимала, что владеющие Словом мастера, многое могут сделать в области формирования личности **советского** человека, сегодня существует не благодаря власти, а пожалуй, вопреки ей. К сожалению...

Можно подумать, что сейчас формирование личности не актуально. А что актуально? Да, мы порушили, что там говорить, не без всеобщего попустительства, если не сказать пофигизма, Советский Союз – по большому счёту строительство социализма, в котором согласно его основному принципу «от каждого по способностям, каждому – по труду» не без активной помощи кремлёвских «геронтократов», оказалось в конечном итоге фикцией в пропагандистской обёртке.

Да, мы сегодня, слава Богу, с ураганной скоростью разочаровываемся в западных псевдоценностях, которые долгие десятилетия, опять же благодаря существовавшему в стране мощному репрессивному аппарату, были для многих, да что там многих – для большинства, таким «демократическим светом в окошке».

Вот и получается: одно порушили, в другом разочаровались... Что из этого следует? А следует из этого то, что Россия должна найти свой, единственно верный, третий путь. И снова мы в дороге и пытаемся ответить на вопрос «камо грядеши?». И снова надо подтянуться, сплотиться и идти вперёд единым строем, который никому и никогда уже не удастся порушить. Пока же мы ищем, мечемся в силках теперь уже тотальной свободы, если не сказать вседозволенности...

А что есть свобода? «Я называю свободной, – писал Спиноза, – такую вещь, которая существует из одной только не-

обходимости своей природы...» Казалось бы, что тут непонятного? Если ты осознал необходимость того или иного действия, будь то работа каменотёса или пропалывание грядок – ты свободен. И в подтверждение этого вот ещё одна обширная цитата, взятая мной с одного из форумов на эту тему:

«...Обычно люди убеждены, что они наделены свободой воли и их поступки осуществляются ими совершенно свободно. Между тем свобода воли – иллюзия, результат того, что подавляющее большинство людей осознать свои поступки, не вникая глубоко в причины, их обуславливающие. Только *умудрённое меньшинство, способное на путях разумно-интуитивного знания подняться до осознания мировой связи всех причин с единой субстанцией, постигает необходимость всех своих поступков, и это позволяет таким мудрецам превратить их аффекты-страсти в аффекты-действия и обрести тем самым подлинную свободу* [выделено мной]. Если свобода нашей воли – только иллюзия, порождаемая неадекватными чувственно-абстрактными идеями, то истинная свобода – «свободная необходимость» – возможна лишь для того, кто достигает адекватных, разумно-интуитивных идей и постигает единство обретенной свободы с необходимостью.

Смысл данной идеи в том, что свободным [себя] чувствуешь, делая что-то независимо от чьей-то воли. Очень часто приходится напрягаться и выполнять нечто совсем нежелательное. Но это только если ты считаешь это правильным и нужным сам. То есть, чем больше ты осознаешь смысл своих действий, тем легче они тебе даются. Осознание ведёт к освобождению духа.

Жизнь в обществе накладывает на каждого человека ограничения (отказ от части личных свобод) ради устойчивого функционирования или прогресса самого общества [выделено мной]. В этом случае ограничения с лихвой искупаются новыми возможностями, то есть увеличением свободы.

Таким образом, свободный человек есть человек, осознанно принимающий ограничения своих возможностей (ограничения своей личной свободы), необходимые для существования общества, которое своим существованием ещё больше увеличивает свободу человека».

Вот это-то положение – связанность личной свободы и свободы общества, новейшее общество (простите за тавтологию) как раз и забыло, подменив его достаточно размытым термином «демократия» (власть народа). На самом деле под этим «фигурным листочком» прячется ВЛАСТЬ ДЕНЕГ со всеми вытекающими последствиями: свободой потребления всего чего угодно – еды, развлечений, наркотиков, секса, гламура и т.д. Главное – потреблять, потреблять и ещё раз потреблять, раскручивая всемирную инфляционную спираль и разводя остатки самосознания. Здесь должно соблюдаться лишь одно условие: продукт должен воздействовать на безусловные рефлексы, сиречь инстинкты, которые «защиты» в человеческой генетике. И при этом меньше думать – думающий человек опасен.

Вот и получается, что мы, уничтожив СССР и открывшись западному миру, лишили сами себя прививки (этим термином я называю всё то лучшее, что с огромными трудами и сумасшедшими потерями без малого 70 лет воспитывалось в советском обществе) от пороков «свободного» мира.

Я неспроста затрагиваю тему отношения власти к литературе, пытаюсь перекинуть от неё мостик к проблеме обесценивания совести. Потому что это – вещи взаимосвязанные. Впрочем, говорят, что наличие

совести у человека тождественно присутствию Бога в душе. А если Его там нет? Вернее, Бог изначально присутствовал в душе новорождённого, но с возрастом Его либо изгнали оттуда, либо сам ушёл в силу определённых обстоятельств. Литература же, если она настоящая и добрая, призвана лечить души человеческие, воспитывать их.

Во времена СССР наш народ считался самым читающим в мире, а что теперь? Посмотрите статистику посещаемости библиотек.

Один писатель как-то вполне справедливо заметил, что нельзя быстро изменить ментальность народа. И дело не в смене правительства. Европейцы уже давно живут в мире, где им служит государство. А в России мы сотни лет служим государству. Это, по его мнению, главное онтологическое отличие. Все остальное – частности. Здесь государство – Молох, который постоянно требует от населения жертв на всех уровнях, а мы и есть дети, приносимые в жертву этому самому государству. И вот ведь что странно: все, кто сейчас занимают властные кресла, рождены нормальными матерями. Многие из них ещё, наверное, помнят послевоенную, а позже хрущёвскую нищету. Но куда вся эта память у них исчезает по мере поднятия по властной лестнице – вот в чём вопрос.

Возьмём для примера нашу региональную писательскую организацию – я имею в виду краснодарское отделение Союза писателей России. После любого годового собрания в последние несколько лет приходишь к весьма удручающим выводам, знаете ли. Никому мы особенно не нужны: бюджет крохотный, формирующийся в основном на членских писательских взносах, а власть что-то не очень этим озабочена. Попытался ваш покорный слуга поднять там однажды вопрос о значении писательского труда в сравнении с советскими временами, когда во многом с помощью писателей поддерживался дух народа, так был не понят даже своими коллегами. Один из них, правда, заметил, что в наше время чиновник ничего делать не будет без команды сверху и, что если глава администрации не станет подавать примера в чтении литературы, то и его подчинённые на этом поприще «блистать» не будут. И, заметьте, опять же никакие идеи у власти в этом направлении не замечаются.

Можно отметить, что существует ряд престижных премий. Скажем, такая, как «Большая книга», до которой ещё добраться надо и на этих (добравшихся) кругах обретаются, как правило, столичные писатели. Думаю, не мне говорить, что культурная жизнь в столице и в провинции – две большие разницы. И потом, существует и в литературе такое понятие, как бизнес-проект – это когда раскручивается некий более или менее подающий надежды писатель – желательно из относительно молодых. О нём начинают вещать и по телевидению, и по радио – одним словом, везде. Уж чему-чему, а рекламным раскруткам у нас научились. Вон, какую-нибудь безголовую «Ксюшу» так продвинули, что она и на ведущих каналах, и в радиозэфире каждый день по двадцать раз мелькать будет, и на обложках глянцевого журналов своими прелестями засветится. А если отшелушить всю эту мишуру и взять её в оборот, так она и двух слов связать не сможет. Да и песни у неё – три повторяемые раз десять подряд бессмысленных слова, положенные на полторы ноты... И поневоле задаёшься вопросом: может, это специально делается, чтобы вконец отбить у нас остатки интеллекта и превратить в бессловесное стадо, которым легко управлять?

Так и с литературными бизнес-проектами. Только что-то не видно на большом экране наших действительно заслуженных

писателей, которым есть что сказать людям, и которых осталось-то не так много. И вспоминают о них, как правило, только тогда, когда эти великие уходят. Взять хотя бы Виктора Астафьева, о котором вспомнили, когда его уже не стало. Но Астафьев-то славу свою снискал ещё во времена СССР, когда к писателям было совсем иное отношение. Сейчас бы он не поднялся – тематика не та. У нас же всё больше в чести детективы всякие, ужастики, триллеры да фэнтези. И никто не задумается над тем, что голливудский метод «семейного подряда», когда неизвестно, кто кого переплюнул в изощрённости сюжета: бандиты сценаристов или наоборот, ведёт лишь к эскалации насилия. Видимо, это выгодно – злом подменять добро. А ещё вот новая напасть объявилась – в вечерний прайм-тайм, словно сговорившись, на ведущих телеканалах перебирают грязное бельё известных и не очень личностей. Только что до уайеризма не доходит. Очень «полезительно» для ума и сердца, знаете ли...

Ради соблюдения справедливости следует отметить, что государство наконец-то вспомнило о том, что помимо вездесущего Голливуда существует и славный в прошлом отечественный кинематограф, и начало выделять деньги на создание российских фильмов. Благодаря этому появились такие, не побоюсь этого слова, шедевры, заставившие людей вспомнить о том, что они живут в великой стране, которой можно и нужно гордиться: «Легенда № 17», «Сталинград», «Движение вверх», «Время первых»...

Кто мешает таким же образом поступить с литературой? В фильме Фёдора Бондарчука «Духлесс-2», который как-то скачал из интернета, главный герой говорит о том, что у нас основным гаджетом является газовый вентиль (труба). Вроде бы неплохо, если не придавать значения сырьевой направленности экспорта. У «трубы» даже структура такая есть – «Газпром-медиа» называется, финансирующая в числе прочих дел, как это ни странно, радиостанцию «Эхо Москвы», которая по большей части как язва разлагает неискушённые умы изнутри, поливая грязью всё, что делается в России... Помимо этого у вышеупомянутой медийной структуры в качестве финансируемых подопечных числятся такие телеканалы, как ТНТ вкупе с проектом «Дом-2». Комментарии, как говорится, излишни – остаётся только в недоумении разводиться руками и возмущённо поднимать брови...

И, наконец, о языке. Мы уже забыли исконно русские восхитительно-восклицательные междометия, давно заменив их на возглас, где надо и где не надо, «wow!»; у нас теперь не возврат денег при покупке, а «cash back»... Можно ещё приводить множество других примеров из всех областей жизни, где появились новые, в основном «англо-саксонские», термины, не говоря уже о том, что в различных названиях походя меняются буквы с кириллицы на латиницу – просто так, для «прикола».

Как-то в одной из программ «Вечер с Владимиром Соловьёвым» бывший глава израильской спецслужбы «Натив», а ныне политолог Яков Кедми заметил, что в Израиле существует такой порядок: если появляется какой-то иностранный термин, соответствующая служба подыскивает подходящий синоним на иврите и утверждает его в качестве замены – иностранные термины запрещены. А у нас считается, что русский язык всё перемелет в муку...

Вот так и продолжаем жить и идти куда-то. Пока, к сожалению, как всегда, по давно забытому, но сидящему где-то в генах и описанному ещё Лениным принципу: «Шаг вперёд, два шага назад. (Кризис в нашей партии)». Не пора ли всё-таки пересмотреть, наконец, подходы и обратиться к разумному, доброму, вечному, носителем чего является качественная литература?

Вот такие мысли бродили в моей голове при просмотре замечательного и мудрого фильма Николая Алексеевича Лугинова «Юрий Кузнецов. Взгляд с востока», который, на мой взгляд, можно считать учебным пособием того, как «жить не по лжи» и бережно относиться к литературному труду.

ПОЭЗИЯ

БОРИС СТАРИКОВ

Тихорецк

Былая юность – скверная пропажа;
Жизнь не начать с последнего листа,
Чужая страсть меня не взбудоражит,
А сладость грёз не обожжёт уста!..
Но этого ль печалиться мне надо?..
Дни в буднях жгут усталые слова,
И тишиной немеркнувшего взгляда
Стреножит время с дерева сова.
Во мне уж нет безумья непогоды,
Седует страсть, а зимний сад седой.
Я в нём у счастья принимаю роды,
Любуюсь звёздной плотью молодой.

В мир, полный смуты и разврата,
Упав с неведомой звезды,
Я в буднях много лет растратил,
Зверино в поисках еды.
Был охмелён брожением жизни,
В пылу сомнительных утех
Стал преданным святой Отчизне,
Не остужая в сердце смех.
Любил и пел, от счастья плакал,
Бросал и брошен был не раз.
Бродил вдоль жизни, как собака,
Скрываясь от недобрых глаз.
Учил других, в чём сам был неуч,
Не понимавший свой удел.
И вдруг, увидев мыслей немочь,
Душой от страха поседел.

В. А. Воронову

Не я ли в тихий вечер
Слыл первым из повес?
Теперь за эти встречи
Всё ближе блеск небес.
Не вижу даже город —
В нём смолкли голоса,
Лишь капает за ворот
В полночный час роса.
Петух рассвет пророчит
В прогорклой тишине,
Взлетев на крыльях ночи,

В тревожном полусне.
Да в переулке где-то,
Сгустив на небе хмарь,
Как я, устав от света,
Для всех горит фонарь.

Для тебя – гуляка-леший.
Всё не так и всё не то,
Я не конный и не пеший
На сверкающем авто...
На губах чужая шалость,
А волнистый чуб не рус.
От зари во мне осталась
Кровь солёная на вкус.
Есть ещё мечта поэта —
Жить вовеки, не в гробу,
Убежав по ливню света
С грузом ветра на горбу.
А когда сотрутся ноги,
Утром с паперти земли
Петь любя – и чтобы Боги
Посмеяться не смогли.

Днём не вижу судьбу
своим зрением слабым,
А к врагам и друзьям
я бываю от горечи строг,
Потому что страна
непотребно тихою бабой
Улеглась на полмира
с раскинутой поймою ног.
Ни унять, ни забыть её,
падшую в мире убогом,—
Ни простить, словно Бог,
ей ожог от чужого огня.
Я не верю стране и её
осквернённым дорогам,
Но стою на коленях пред
светом грядущего дня.

24.02.2014 г.

ЗНАЮ, МНЕ ЭТО НЕ СНИТСЯ

Зорьке за огненный сок
Месяц, блудливая птица,
Выклевал неба кусок...
Стог – атаманская шапка,
Пахнут чабрец и полынь.
Тучка, небесная тряпка,
Моет прохладою синь.

Речке туман что-то лепит,
Вербы ткнут пух до поры...
К лесу вольготные степи
Лезут вдоль белой горы.
Ветер жжёт ласкою лица,
Стадо мычит про любовь.
Видимо, жизни годится
Светом воспетая кровь!

МАЙДАН

Дикость глаз, зубов оскал
Лезут криком в прорезь маски.
Кто не прыгал— тот «москаль»,
И – дубинкой для острастки.
Страшен шум, безумен люд,
Правых бьют и левых бьют!
Вновь чинуюсь во дворце
Уж не спрятаться за спесью.
Роты «Беркута» в кольце
Жгут заряды адской смеси.
Разрываясь там и тут...
Правых жгут и левых жгут.
Свастик выпячен окрас
Лишь у тех, кто ищет власти.
Не услышав Божий глас,
Мир друг друга рвёт на части.
Если балом правит шут,
Правых жрут и левых жрут.
Ложь, угара кутерьма—
Дымом стелятся по крышам...
Я боюсь сойти с ума,
По ночам лишь слёзы слыша,
А с балкона под визжанье,
Будто это в первый раз,
Снайпер в женском одеянье
Метит Богу между глаз.

Милая! Собой меня ласкай,
Обойми мой страх и седину...
За порогом уходящий май
Обеляет для любви страну.
Пахнет месяц соком золотым,
Ну и что? От сердца с этих пор,
Даже днём кочуя, словно дым,
Счастье время прячет за бугор.
Сок любви, он сладок не у всех,
Что в нём есть и где моя вина...
Время жизни – это детский смех.
Время смерти – только тишина.

Не люблю цветные маски,
Не узнать под маской вора...
А цветы, утратив краски,
Пахнут плесенью забора.
От надежд не жду покоя,
Если время – словно студень,
Не поймает в нём рукою
За запястье серость буден.
Наша жизнь то чёт, то нечет,
В споре с зимними ветрами
Даже солнца белый кречет
Красным плавится над нами.

Отцвели задворки мая.
Новым боем тешит грусть
Бело-малая – большая,
И одна для сердца – Русь.
Над станицей шорох лета,
Не исчез от горя слух.
День упал росой и светом
В одувачниковый луг.
Солнце синь из неба варит,
А под стать моей тоски
Кобели в собачьей сваре
Рвут соседей на куски.
Я не буду злым и строгим,
Но утрачен звёздный путь.
К речкам пятятся дороги,
Жаль, что могут потонуть.

ДРУЗЬЯМ

Туда-сюда... как ни крути,
Шестьдесят девять – это годы,
Я с ними был всегда в пути,
Неся то счастье, то невзгоды.
Но что сейчас живёт во мне?
Кем наполняюсь тихо силой,
Горя в страдальческом огне
Над свежeverытой могилой?..
Погост – печальный Колизей,
В нём не ведут о Боге споры,
А в роли царственных князей
Бдят прах положенные вору.
День прячет в куше этих мест
Лишь солнца огненную мину.
И тянет в небо Русский крест
Вдоль нас чужую домовину.

ПРОЗА

ВАСИЛИЙ МАКАРЧУК

КОЛОБОК

рассказ

– Николай бей вправо... Витёк, заходи влево... Плямба! О, господа, господа, не надо оваций!

В кабинете стоял невообразимый шум. Шла вторая пара занятий, а преподавателя всё ещё не было. И первокурсники, ставшие студентами нефтяного техникума полгода назад, шалили, как шалют обычные мальчишки. Их переполняло чувство свободы и безудержного веселья. И, конечно, в роли заводилы, юмориста и специалиста на всякие выдумки и проказы, выступал Вова Мукарин. Все его звали коротко Влашек. Он был комиком от Бога. Природа одарила его незавидной внешностью, он был низкого роста, ходил коротко остриженным, нос туфелькой, но не унывал.. Наоборот, умел корчить такие гримасы, что все покатывались от неудержимого смеха.

И теперь Влашек завладел вниманием студентов и, стоя на преподавательском столе, скрестив руки на груди, командовал импровизированным футболом. По центру аудитории летала от паса к пасу, забытая кем-то фуражка. «Футбол» был в самом разгаре. Каждое меткое попадание вызывало бурю восторгов. И всё было ничего, не случись непредвиденное. В приоткрытую дверь вошёл преподаватель литературы. Это был мужчина почтенного возраста, в аккуратном костюме тройке, в очках. Он был округлым, низеньким, лысоватым. За что его студенты прозвали «Колобком».

И надо же такому случиться, что изрядно помятая и грязная от башмаков фуражка влетела прямо в лицо преподавателя. Тот непроизвольно взмахнул руками и, когда попал в чём дело, от гнева побагровел, вытирая лицо платком. А Влашек, быстро смекнув, что может быть далее, присел, соскочив со стола, и мелкими шажками затрусил на своё место.

Звали преподавателя Сергеем Павловичем. Он был любимцем студентов не только за добрый характер, а ещё потому, что напоминал собой артиста Леонова.

— Эт-то что такое?! – он грозно вопро-

сил смущённых и растерянных ребят, – я прош-шу, нет. Я настаиваю ответить, чем тут занимаются оболтусы, мешая другим студентам получать знания?!

Голос Сергея Павловича, набирая обертон, срывался с тенора на фальцет:

— Очевидно, у меня сложилось неверное представление о вас, как о взрослеющих и умных ребятах. Сегодня я сильно засомневался в этом... Знайте, вы подали мне повод так думать. Это не просто мальчишеская выходка! Это самый настоящий дурдом! Надеюсь, теперь понимаете, о чём я вам говорю?!

В аудитории повисла напряжённая тишина. Зачинщики и участники событий поникли головами и смотрели в пол. Сергей Павлович ходил вдоль доски и продолжал воспитательную работу:

— Вы! Будущие нефтяники! Золотой фонд нашей страны! Промысловики! А чем «обрадовали»? Мало того что учудили гонки с «мячом»-фуражкой, вы устроили из моего лица, простите, футбольные ворота! Да, да!...Видимо, прекрасное, доброе, вечное, которое я стремлюсь донести до ваших душ, вам освоить не под силу. А знаете почему?! В вас нет этих самых душ!... Кто дежурный?! Уберите эту грязь долой!

Дежурный засуетился, не зная, как поступить с фуражкой, куда её засунуть. Кто-то подал пакет – и злополучная фуражка переключивалась в нутро одной из парт.

Сергей Павлович тщательно вытер руки, взглянул на притихших ребят, неожиданно сменил гнев на милость:

— Так как вы первокурсники, можно сказать, ещё вчерашние школьники, народ зелёный – и потому я вас прощаю. Не стану докладывать директору техникума о том, что здесь было. Сами держите в тайне. Лучше всего займите себя занятием более полезным, нежели игра в футбол с фуражкой! Я ухожу. Меня ждут в другой группе. Я надеюсь, выводы вами будут сделаны правильные?!

Все молчали. Было стыдно за свою мальчишескую выходку. Где-то в душе мы себя считали уже почти взрослыми. И перед Сергеем Павловичем было неловко. При всей мягкости его характера он был очень требовательным. Мы его воспринимали всерьёз. К тому же Колобок был нашей защитой перед директором техникума: если первокурснику грозило лишение стипендии, именно Сергей Павлович отставил нас до последнего предела. Он любил первокурсников, как любят первоклашек в школе. Но заядлым прогульщикам и двоечникам спуска не давал. И за его защитой здесь было обращаться бесполезно.

У Сергея Павловича была самая высокая успеваемость по его предмету в техникуме. Как увлекательно он рассказывал нам о писателях, о классиках литературы. Такие образы и словесные портреты рисо-

вал, что у нас, слабо представлявших эту область, возникало ощущение присутствия великих поэтов среди нас. Или нас среди них. Так им создавалась атмосфера тех далёких эпох. А как он убеждённо говорил, что именно наскальные рисунки, которые создавали пещерные люди в шкурах, были первой письменностью, первой литературой, которая способствовала человеку-зверю приподняться с четверенек и стать человеком. Он серьёзно думал об этом и нередко обращался к нам, к студентам, такими словами: «Знайте, литература правит миром и вершит историю!»

О рассеянности Сергея Павловича ходили легенды, но студенты этот факт не относили к его недостаткам. Нередко он забывал, в какой из карманов брюк или пиджака засовывал знаменитые очки в роговой оправе. Он шёл между партами по кабинету, бормоча фамилию ученика, которому надо было поставить отметку в журнал, и растерянно хлопал себя по карманам, пока не находил нежданную потерю. После чего Колобок в удовольствии расплывался, как артист Евгений Леонов, когда в известном фильме «Полосатый рейс» говорил свою знаменитую фразу: «Хотите верить, хотите нет!» Он просто «таял», словно эскимо под солнцем, в своём добродушии и сразу успокаивался. При этом тут же забывал фамилию нужного ученика и сконфуженно спрашивал у студентов:

— Ну... Какая же фамилия у этого паренька?! Такая странная, что трудно запомнить...

Мы хором отвечали ему, и ни у кого не возникало мысли посмеяться над стариком. А он, обрадованно, ставя отметку в журнал, всё повторял:

— Ах, да! Этот Шувалов, тот самый... Шувалов.

...После нашего «футбола» в коридоре постепенно затихали шаркающие шаги Колобка. А у нас не было уже никакого желания «буянить», как любили выражаться студенты.

ПРОЗА

Геннадий Пошагаев

Убережённая душа

(отрывок из повести)

Сейчас я на заслуженном отдыхе, но, наверное, ещё долго не смогу забыть Таганрог, рабочую юность! Учился в ремесленном училище, а по окончании, после выпуска, отработывал положенный срок на своём заводе, затем перешёл на вольные хлеба, и вплоть до призыва в армию коротал это время как мог, перебивался в общежитии... Боже мой, и до чего ж я был наивным мечтателем, фантазёром! Детдомовщина, ремеслуха, а ещё вспоминаются танцы на летней площадке рядом с кинотеатром «Артём», находившимся на высоком берегу Азова, тут тебе и море.

Едва заиграет радиола, мы шли поглазеть на девчат, а заодно послушать танцевальные ритмы. К тому времени многие из нас, ремесленников, покуривали, тянуло на любовные подвиги, впрочем, не все отваживались приближаться к площадке и приглашать на танец девчонок. Я робел, обычно стоял в сторонке, наблюдая издали за танцующими... Едва зазвучит «Рио-Рита», любимый быстрый фокстрот, или танго душещипательное, красивое «Как бесконечно жаль», и тотчас мурашки по телу зашевеливаются, точно муравьи ожившие расплозятся по спине, с таким воодушевлением воспринимались мелодии оркестра, настолько я очаровывался ими, чувствуя, как нежность охватывает душу. В такие моменты хотелось любить, думать только о любви. Но кого полюбить? Оставалось тайком вздыхать и смотреть за счастливыми парочками, которые были рядом друг с другом, вдыхать аромат – сладкий, одуряющий – ночных фиалок при медленно меркнувшем свете заревого заката. Помню скользкие плавные движения пар под звуки нежного танго, и себя, выглядывающего из-за живой изгороди, переживающего рождающиеся надежды на счастливую жизнь, полную любви, молодости... Сколько ни порывался подойти к девчонке какой-нибудь, которая, казалось, поджидала меня, мне она чудилась недостижимым существом, к которой прикоснуться пальцем было бы непоправимым грехом, если не преступлением. Не единожды сверстники подтрунивали, подталкивали меня к танцующим, уговаривали не бояться, но мною каждый раз овладевал страх, я упирался, и ребята безжалостно высмеивали, обзывали девственником...

Однажды я рискнул, превозмогая нерешительность, подошёл к бледненькой, худенькой девчонке с вьющимися смолянными волосами. Показалась она мне загадочной, что-то испанское было в её лице и причёске. Вроде бы и скромная, не гордая, но, как после выяснилось, дочка конструктора нашего завода, на котором я трудился после училища в сборочном цеху клепальщиком. Я опешил, когда ребята мне сообщили, кто она такая, и предостерегли, посоветовав подружиться с какой-нибудь другой, попроще, а эта, мол, тебе не пара. Тем не менее, я медлил с расставанием, мне она приглянулась. Я и по сей день храню одну из фотографий Вали Мельниковой, где она, вне сомнения, чистая в своих помыслах, словно бы всматривается в меня, точно намеревалась уяснить, кто я такой, и будто собиралась сказать нечто в утешение. Темные её глаза с грустью смотрели в упор и даже как-то слишком пристально, однако по-доброму и с пониманием той истины, как я необходим ей. Я колебался, заметив, с какой осторожностью привязывается она ко мне чуть ли не с первых дней нашей дружбы. Сознаюсь, мне недоставало дерзости, и, покорившись судьбе, смирился с тем, что выбор пал на Валу Мельникову. Помню, назначил свидание, в сумерках встретились на высоком берегу, волновался, наблюдая, как она идёт ко мне... Вообще-то, она ничего не скрывала, и вскоре в разговоре открылась, что выросла в семье интеллигентной, мама – преподаватель в вузе, отец – конструктор. Но откуда в ней скромность, сдержанность?

Валя, выяснилось, студентка, поразительно проста в общении и смутила тем, что не отказывалась видаться со мной, и мы продолжали встречаться на танцах. Наоборот, ей интересно было общаться со мной, когда узнала, что я сирота, воспитывался в детдоме... Надо сказать прямо, я не противился, понимал, что не соответствую уровню её интеллекта, чувствовал себя неуклюжим, был замкнут, терялся, не находил темы для общения и чем заинтересовать Валу. Моё косноязычие вызывало скованность, а потому больше отмалчивался, и порою оба выглядели сонными, чрезмерно думающими. Украдкой зевая, я отворачивался, стараясь разглядеть что-то в темноте. Иногда словно бы просыпался, было стыдно, и вдруг возникало желание порассуждать. Валя тотчас настораживалась, спешила опередить, скептически морщилась, начиная поёживаться от моего голоса, нередко прерывала меня, тактично, тихо и удачно поправляла мою абракадабру, что-то своё вставляла.

Разобравшись, наконец, что я за человек, Валя, конечно, ужаснулась моей необразованности, хотя то, что мне хотелось бы выразить словами, я чувствовал всем своим существом. Но когда я пытался отвечать, язык у меня словно отнимался или я сбивался, терял последовательность мыслей. Валя поначалу без всякого стеснения посмеивалась над моими потугами что-то выразить, и вместо того, чтобы распрощаться с таким малограмотным ухажёром, она, напротив, шла на крайность, делала замечания, подсказывала, в каких случаях правильнее было бы употребить то или иное слово, терпеливо разъясняла, каково значение того или другого. Я часто приходил в конфуз, если в беседе с нею вырывалось нечто нелепое, что приводило её в оторопь, вызывая досаду, когда, как говорят в таких случаях, уши вянут от высказанной глупости. И я понял: ещё две-три встречи, и никогда больше не увижу Валу. Однако, жалея меня, перебарывая себя, она не сдавалась, продолжала прогуливаться со мной по городу в вечерние часы. Возможно, продумывала варианты, как ей поступить в дальнейшем. В конце концов, вздохнув сожалеюще, шла со мной к морю, не пронося ни слова.

Самолюбие моё страдало, было желание взять и уйти, да что-то опять же удерживало, и я болезненно переживал, но уже не за себя, а за Валу, которая мучается со мной: ну зачем я ей, когда всегда может найти себе друга в кругу своих сокурсников. Нет же, видно, досадно ей, что я не могу поддерживать разговор и быть интересным, мыслящим собеседником. А мне и вовсе дурно, кажется, сейчас взорвусь, но ведь и ей, вижу, не легче, ну уж таким уродился недалёким! И понятно, дальше так продолжаться не могло, но в том-то и дело, что Валя переживает, искренне жалеет помочь избавиться мне от неуклюжести, хочет, чтоб лучше становился. Но опять же, эта жалость, которая коробила моё самолюбие, и я сдерживался изо всех сил, чтобы не вспылить... «Эх, – думалось, – плюнуть бы на всё и уйти, махнув рукой...»

К концу прогулки обычно шли в летнее кафе, я предлагал Вале посидеть, выпить кофе. Надо сказать, зарабатывал я неплохо, были деньги. Брала мы сосиски и что-нибудь из напитков фруктовых, тот же крошон, а иногда и белое вино. Однако и здесь, в кафешке, Валя не переставала присматривать за моей речью, подсказывала тактично, как правильно пользоваться ножом и вилок. Я оправдывался тем, что в детдоме было не до культуры, нас этому не учили. Сделав вид, что не сердится на то, как я реагирую на замечания, дружки поглаживала мою руку. Успокаивала, мол, ничего, что вырос недоучкой, можно и потерпеть, будто в шутку, и вдруг опять,

вижу, сердится, замечая, как делаю глоток из бокала, попросив в дальнейшем удерживать отрывку и не оставлять на краю следа от губ...

Миновало полвека, а до сих пор вспоминаются таганрогские обрывы, заводские дымящие трубы, берег песчаный, пляж, так ясно вырисовываются в памяти, точно постоянно пребывал в этом забываемом городе, где учился в ремесленном, и это в районе комбайнового завода имени Сталина. В жаркий июльский день, помню, приходя к морю, загорал, потом шёл купаться. Обычно с утра было мало отдыхающих, к обеденному часу из репродуктора доносилась музыка, солнце пекло, и мне нравилось слушать итальянскую песенку «Купите фиалки», нежную и печальную, казалось бы, простенькую, но сколько в ней чувств и тепла. Песня рассеивалась над пляжем, а после набирала высоту и уносилась всё выше и выше, звонко расплещиваясь, повиснув на какое-то время. И вскоре возвращалась, опадала. Я замирал, прислушиваясь к чудесному голосу певицы, боясь пошевелиться, и эта песня звучала так часто в годы моей юности. Лёжа на горячем песке, расслабляясь, пил из бутылки тёплый лимонад, жарясь на солнце, слепившем глаза, а едва ощущал сухость во рту, снова прихлёбывал, утоляя жажду, отгоняя от себя надоедливых ос, которые облепляли валявшийся у ног яблочный огрызок. Несмотря на отмашку рукой, осы золотистые не унимались, мельтешили близко у лица, не давали покоя, и я, превозмогая лень, не выдержав, шёл купаться. Не заходя в воду, смотрел с прищуром из-под руки на набегающие на берег волны. Было большим удовольствием потом, после купанья, валяться на песке освежённым и ждть, когда снова услышу незатейливую песенку, полюбившуюся, замечательнее которой, казалось, ничего другого и не было в моей жизни, потому как мечтал о любви! Без этой мелодии и этого душевного девичьего голоса я и по сей день не представляю мой Таганрог!

Милая, милая Валуша! Где те времена наших встреч, то прошлое, когда учился благодаря тебе постигать правила этикета, стремился стать образованным, порядочным человеком, старался измениться ради нашей любви, чтобы не стыдно было тебе представить меня своим интеллигентным родителям и друзьям, показать, какой у тебя настоящий друг?

Уходя с пляжа, не переставал думать о встрече с любовью, о которой мечтают все влюблённые. Что ж было обижаться на Валу, так воспитана, безусловно, умница, но мне другое важно, и как объяснить, да и кто поймёт, и уж не она, разумеется, дочка конструктора... Я ощущал пустоту. И чтобы избавиться от уныния, заглянул в ближайший ресторанчик, находившийся внизу под обрывом. В нём, довольно уютном местечке, со стенами из прозрачного оранжевого пластика, мы с Валей были частыми гостями, навещали полакомиться мороженым. Иногда и сам сюда захаживал, вот и в данный момент, перед тем как отправиться на свидание, для храбрости решил выпить чего-нибудь.

Из кафе хорошо была видна синюющая морская бескрайняя гладь, водная равнина, залитая солнцем, близившимся к закату. Сейнеры рыболовецкие точно впаяны, и когда глядишь на крестики тонких мачт, кажется, кистью художника на полотне изображён морской пейзаж. Одновременно испытывал радость и горечь от осознания своей неполноценности, предугадывая бесполезность встреч с Валей. Я старался не думать о предстоящем свидании, возможно, оно станет последним: увидит милая Валя, что кавалер не совсем трезвый, и конец, навсегда расстанемся...

Геннадий Пошагаев

Убережённая душа

Постепенно я чувствовал, как зрела ненависть к подонкам, легкосленно прожигающим молодость bestолковыми поступками, хулиганскими выходками, грубым отношением к женщинам. Силы зла вызывали во мне протест, и я досадовал, что физически, наверно, не способен защитить добро от насилия. И что толку возмущаться, как противостоят негодьям, которых тьма-тьмущая бродит по городу, коих немало развелось в ту пору. Они бандами появлялись на танцах, на набережной, в порту и в парке, а особенно промышленляли в глухих переулках, выслеживая прохожих, учиняли грабежи... Кажется, я чрезмерно увлёкся белым вермутом, готов был даже броситься на кого-то из посетителей, заподозрив в нём грабителя, насильника. Что ж, надо скорее выбираться мне, выпившему, из заведения, подальше от греха...

Придя с работы и немного передохнув, я поспешил на свидание. Только бы не опоздать к условленному часу встретиться с Валей Мельниковой у фонтана рядом с Домом культуры! Вот-вот увидимся, друг другу сдержанно улыбнёмся и, взявшись за руки, не спеша отправимся к летнему кинотеатру «Артём», а после фильма тихо подойдём к морю, постоим на солнышке, наблюдая, как вечернее багровое солнце, угасая, коснётся горизонта...

О семейной жизни и думать нечего: впереди армия, однако ощутимее становится та нить, связывающая нас после незаметно промчавшихся нескольких свиданий, и это проведённое время с Валей озадачивало, удивляло меня, то и дело я спрашивал себя: ну и что дальше? Странная дружба. И зачем я нужен студентке института? Она может подыскать себе более достойного ухажёра среди своих друзей...

Иной раз нервная дрожь охватывала, едва начинал подумывать, как бы пристойно прекратить эти встречи, не морочить ей и себе голову понапрасну. Я не обиделся бы, если б она не явилась на свидание. Ведь вижу, мучается со мной, жалеет, хочет как-то помочь неразвитому духовно человеку, воспитывавшемуся в детском доме сироте...

В какие-то моменты Валу раздражало, что не запоминаю её советов, не поддаюсь внушению, хмурясь, она порою отказывалась со мной о чём-то говорить, всплыв, отворачивалась. Настроение вмиг портилось, я терялся, не знал, как поступить, если снова невольно выдам что-то. Видимо, надоело студентке учить уму-разуму кавалера, просто устала от меня. Обычно я молчал, боясь её вспыльчивости, но вдруг Валя поворачивалась ко мне, щёки её, слегка впалые, окрасившись румянцем, проступало на лице что-то мягкое, в тёмных глазах зарождалось тепло, признавалась, что не права была, и удивляла добротой, мягкостью...

А едва стемнело, взявшись за руки, помню, не сговариваясь, побрели краем обрыва. Валя молчала, серьёзная и сосредоточенная в себе, но, что важнее (и на радость мне), ни разу не допустила насмешки, если начинал гордить абракадабру, отпуская очередную несуряцицу, ей это, разумеется, не нравилось. Я, разоткровенничавшись, вспоминал эпизоды из прошлого, поведав несколько случаев шалостей, проказ из детства, и мгновенно улыбкой озарялись глаза Вали, отражавшие свет луны, в них мерцали искорки блестящих в небе звёзд, и было что-то от искреннего сопереживания.

К 100-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

Леонид Север

Таганрог

ЗНАЧОК

(поэма о Комсомоле)

Конец октября... Пятиклассник внучок,
С прогулки принёс старый, грязный значок,
Нашёл он случайно его на земле,
Почистил, протёр, обратился ко мне:
— Дед, глянь-ка, здесь буквы написаны в ряд,
И дядька какой-то... Он кто? Депутат?

Затёртые буквы виднелись едва,
Коррозией съеден портрет и канва,
Эмаль на значке потускнела совсем,
Внук вслух произносит:
— В Л К С М ...
ВЛКСМ — это что за фигня?..
Себя «ископаемым» чувствую я,
У парня каникулы, день на дворе
И двадцать девятое в календаре.

— Фигня, говоришь, а в руках у тебя
Осколок великой страны Октября,
Осколок пылающих юных сердец...
Всегда в этой жизни найдётся подлец,
Готовый за тридцать монеток продать
Сестру или брата... Отца или мать...
Жестокую правду ты внучек нашёл -
И честь! И позор! Это всё — комсомол!!!
Коль так интересно — пойдём, расскажу,
ВЛКСМ я тебе покажу...

Бульвар над морем... Много молодёжи,
Резвятся пацаны у маяка,
Осенний день... Он тёплый и погожий,
Не за горами зимняя тоска.
Порт кранами могучими кивает,
Спешит на рейд буксирный катерок,
На лавочках бабульки обсуждают
Какой теперь Лужков получит срок.
Гудят машины где-то под обрывом,
За бледной дымкой прячется Ростов,
Незыблем Пётр... А рядом сиротливо
Темнеет монумент среди кустов.
Он не высок, его почти невидно,
За блеском современной «крутизны»,
Дельцы от демократии бесстыдно
Перекроили прошлое страны...

Звонит колоколами храм Никольский,
Я внука крепко за руку держу:
— Бульвар вот этот назван Комсомольским...
На край обрыва парня подвожу...
Что ж! Слушай, внучек,
правду без прикрас,
Коль нет её в учебниках у вас...

17 октября 1941 года

Азовское море на три стороны,
Бульвар, почерневший от смрада войны,
С винтовкой лежит неживой паренёк...
В крови на груди комсомольский значок.
Штыком трёхлинейки броню не сдержат,
Парнишка погиб, но не стал отступать!

На танках кресты...
Смерть вползла на обрыв,
Завыл! Застонал Таганрогский залив.
Прямою наводкою от маяка,
Как в тире, прицельно и наверняка,
Орудия били в борта кораблей -
В клочки разрывало больных и детей...
Флаг с красным крестом никого не сберёт,
Так «новый порядок» пришёл в Таганрог.
Кровавое месиво... Вопли кругом...
Здесь много белуги кормилось потом...

Ворчат трактора, воет бензопила -
Корчуют заброшенный сквер.

— Пустует земля и доход не дала! —
Решил новоявленный мэр,
— Здесь будут большие витрины сиять,
К нам деньги польются рекой,
Застроим всю площадь... Довольно рыдать
О прошлом — Второй мировой!

Работа кипит от утра до утра,
Теперь толерантность вокруг,
Всё больше обмана, всё меньше добра,
Всё шире предательства круг!
Нет площади Мира — свидетеля той,
Кровавой и страшной войны,
Был памятник... Сквер... А теперь новострой,
Где деньги — там бал сатаны!

26 октября 1941 года

Широкая площадь... Эссэсовцы в ряд,
Из уст полицаев отборнейший мат,
Старинная школа... В ней слышится крик:
— Где ключ от квартиры,
вонючий старик?!
Свинцовый, холодный, колючий рассвет...
Всем ясно одно: «Им спасения нет!»
На площади несколько тысяч людей,
Пощады не будет... Ты жид! Ты еврей!
Под рокот эссэсовских грузовиков
Прикладами гнали детей, стариков
Под тенты машин... Полицей прокричал:
— Везите их в балку!
Мотор зарычал...
А тех кто покрупче погнали пешком,
Как скот на убой... И убили потом!
Петрушина балка... Три тысячи тел!
Так город узнал, что такое расстрел...

26 октября 1955 года

А после Победы на площади той,
Собрался народ озорной, молодой.
И школу отстроили после войны...
Решил комсомол:
— Мы забыть не должны!
Сажали ребята деревья, кусты,
Отчаянно спорили до хрипоты:
— Каким будет сквер, если век пролетит?
И в мире во всём коммунизм победит?!

— Послушай, дед! Про рядового Райна
Ты видел фильм?..
— Нет, внучек, не видал.
— А то, что было здесь, наверно тайна?
— Для юных да! Ты ж этого не знал!
— Стреляли прямо так, как в «Аватаре»?
— Ох, внучек, я не знаю этих слов,
Но тот, кто выжил в огненном кошмаре,
Не видел с той поры спокойных снов.
— А коммунизм когда-нибудь наступит?
— А как же! Пусть жируют господа,
Когда Господь на эту землю ступит,
Он враз определит: кому — куда...
Ну, что? Пойдём, пока уснули черти,
В Петрушино дорога далека,
Увидишь сам, какая Балка Смерти,
Там Слава комсомольского значка...

Над балкой высокий обугленный крест...
— Здесь многие знают про стон этих мест,
Стон боли и страха, стон выжженных тел,
Фриц в годы войны никого не жалел...
Кто был посмелее, вставал на борьбу,
А кто послабей — бил поклоны врагу.
Мальчишки, девчонки, чуть старше тебя,
Воспитаны были страной Октября.
Они и поднялись её защитить...
Родители их не смогли схоронить,
Все здесь, под обрывом остались лежать,
А сколько могли бы детей нарожать?..

Четыре надгробных могильных плиты,
Венки почернели, завяли цветы...
Сюда ещё долго никто не придёт,
Лишь в серых акациях ветер поёт.
Акации плачут горючей слезой,
И внук задаёт мне вопрос непростой:
— Не так тут и страшно,
я думал страшней,
А где же фамилии этих парней?
— Нет прежней страны!
Ни с кого не спросить!..
Спешат господа всё скорей позабыть...

23 февраля 1943 года

Двух девочек Валю и Раю...
Пятнадцать безусых ребят,
Эссэсовцы в спины толкают...
Морозное утро... Закат...

Закат юных жизней, которым
Всегда благодать от Христа,
Такие — России опора,
Хотя не носили креста.

Две девочки Валя и Рая...
Изранена нежная грудь,
Босыми ногами ступают
По снегу... Осталось чуть-чуть...

Пять суток побоев, допросов
И похоть хмельных кобелей,
Честь девичья рваными косами
Вопила: «Убейте скорей!»

Две девочки Валя и Рая...
Пятнадцать безусых ребят,
Разделись у самого края,
Морозное утро... Закат...

Сулили им жизнь за измену
И боль вырывала глаза,
Но так и не став на колени,
Их души ушли в небеса...

Рыдало февральское солнце,
Рыдала безудержно мать,
Все были они комсомольцы
И это никак не отнять!

Две девочки Рая и Валя...
Пятнадцать ребят... С высоты
На мёрзлую землю упали...
Внучок, подари им цветы...

Над Балкой Смерти стонет тишина!
Давно ушла в историю война...
Как жаль, что бронза, мрамор и гранит
Уже не помнят тех, кто здесь зарыт!
На серых плитах надписи молчат
И нет имён расстрелянных ребят.
Другие наступили времена -
В забвении героев имена...

Центральный пляж...
Люблю тебя я с детства,
Твои обрывы, с тропками навверх,
Песок горячий, чайки по соседству,
С тобой мы помним улетевший век...

Ты был один, когда в шестидесятых,
Весёлый, дружный ленинцев отряд,
Создал Приморский парк не за зарплату,
Советской Властью было пятьдесят...

Центральный пляж... И отдых, и рыбалка,
В жару всегда ты радость нам дарил,
И сколько раз меня ругала мамка,
Чтоб я один на море не ходил.

Центральный пляж, ты помнишь,
где на спуске
Мария Константиновна жила?
Её глаза с глубокой стынью грусти...
Погибли дети... Не уберегла...

*«Здесь жили активные участники
Таганрогского подполья в годы
Великой Отечественной войны
ПЁТР, РАИСА, ВАЛЕНТИНА
ТУРУБАРОВЫ!»*

— Вот здесь, в этом доме,
был штаб у парней,
Сюда мы всегда приводили детей,
И папа твой был тут со мной... И не раз...
Жестокая правда, внучок... Без прикрас!
— Дед, слышишь?
Ты фильм про «Бригаду» смотрел?
— Смотрел! Много Белый чудес наворотел,
Хоть крепкая дружба у хлопцев была,
Энергии много... Делов — ни хрена!..
«Бригада» — бандиты! Запомни, внучок,
Лишь ратным трудом ты заслужишь почёт
— А как же случилось, что наших ребят
Вдруг немцы поймали...
— Да предал их гад!
Нашёлся подонок готовый продать,
Сестру или брата... Отца или мать...
Недаром среди самых смертных грехов
Предательства грех... Николай Кондаков
Донос написал на геройских парней,

Ему заплатили по двести рублей
За каждую душу... Так платят рубли
Иудам! Предателям русской земли!!!
Повешен был гад! Наши с боем пришли,
Но жизнь патриотам сберечь не смогли.
Подполье, внучок, было очень большим,
Про всех остальных не сказал ни один!
Тебе нужно книгу об этом прочесть:
О наших ребятах... Она у нас есть...
— Дед, слушай, а в дом этот можно зайти?
— Не знаю, пойдём, хоть во двор погляди...

За старым забором идёт новострой...
Крутой особняк исполинской стеной
Уже навалился на старенький дом,
Остался кусочек земли и проём.
Увы! Новоселье совсем «на носу»,
Так дом Турубаровых вовсе снесут... *
Три сотки священной российской земли
Ни замы, ни мэр нам сберечь не смогли!
Зачем это им? Толерантность вокруг -
Всё шире и шире предательства круг...

— А в чём же позор комсомола тогда?
— Теперь Кондаковы у нас господа...
Мой дед семь наград заслужил за войну,
Отец молодым поднимал целину,
Я нефть добывал из сибирских болот
И папа твой честно на свете живёт -
Коль выпало в армии время служить,
Он сам попросился, хоть мог «откосить».
Статистика Божья, внучок, говорит:
«Двенадцать нормальных,
один — паразит!»

Уж так получилось, что те, кто хитрей,
Корыстней, практичней,
ну, в общем «умней»,
Вползли в комсомол словно мухи на мёд,
Лакейством стяжали карьеру, почёт...
И продали Западу нашу страну,
Как только Союз показал слабинку.
Теперь комсомольские секретари,
На «Хонды» и «Мерсы»

сменив «Жигули»,

Живут в навороченных особняках,
купаются в роскоши, тонут в деньгах
И, зная предательства грех за собой,
Клянут прославляемый прежде «застой».
Поганят заслуги отцов, матерей...
Им нужно одно, чтоб скорее... Скорей!
Истлели осколки страны Октября...
И льются с экранов потоки вранья
На юные головы нашей страны,
Вы правду истории знать не должны!
А правда горька, ведь по сути они -
Иуды! Предатели русской земли!!!
Блестит позолотой чиновничий клан,
Набросив на шею России аркан...
И вместо реформ толерантность одна,
Риторика много... Делов — ни хрена!..
Хоть Путин пытается что-то менять,
С таким «комсомолом»

страны не поднять...

— А Путин из них? Как ты думаешь, дед?
— Когда подрастёшь
жизнь подскажет ответ.
— А можно друзьям
про значок рассказать?
Да нужно, внучок!
Вам страну возрождать!!!
октября 2010 года.

8 мая 2018 года за сутки до Дня Победы
и в преддверии 75-летия освобождения
города Таганрога от немецко-фашистских
захватчиков дом Турубаровых был снесён.
В постановлении, подписанном ещё в
2004 году заместителем главы админи-
страции Ю.В. Лакаевым, говорится: «...
разрешить строительство жилого дома при
условии сноса всех строений и установки
демонтированной мемориальной доски на
вновь построенное здание на этом участ-
ке». Владелец дома — уроженец Западной
Украины (Закарпатье) Степан Степанович
Чуфещук, будучи человеком приезжим,
историей Таганрога сильно не интересовал-
ся... Ведь техника, призванная отправить
дом на слом вызвана, ответ из Ростова,
подтверждавший, что здание не входит в
перечень объектов культурного наследия,
получен!..

МНЕНИЕ

Валерий Миронов

Закрой глаза, Зулейха!

Лежит передо мной книга Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза». Я слышал об этом авторе. Несколько раз на канале «Культура» выступала умная, молодая женщина, обстоятельно рассказывающая, как она решила описать откровения собственной бабушки.

Особого интереса к эпохе 30-х годов у меня не было, поэтому я не кинулся читать рекламируемый роман. Неожиданно эта книга всплыла, когда я приехал погостить к дочери. Жена прочла и настояла, чтобы я тоже прочёл, хотела услышать моё мнение. Особого желания я не испытывал, потому что несколько раз роман открывал, но мрачная печаль и трагедия не увлекали.

Прочёл и понял, наступила третья волна расправы над прошлым нашей страны. Первая была в 60х, когда Солженицын, Аксёнов, Гладиллин и прочие описывали культ личности, потому что было модно. Метры того времени: Шолохов, Симонов не особенно углублялись в эту тему, но мне были понятны их сдержанные описания беззаконий. Постепенно востребованность этой темы утихла, но в 90х вспыхнула вновь. Солженицын стал классиком жанра, честно говоря, поднадоевший, но вызвали интерес откровения Разгона и Шаламова, которые описали жизнь континента ГУЛАГ, как граждане, основательно прошедшие через эту мясорубку. Описания лагерной жизни были ужасными, но из песни слова не выкинешь, ад существует пока только на земле, и создаём его мы, а не инопланетяне.

Гузель Яхина – это представитель третьей волны: в книге татары с одной стороны, а русские с другой. Красноордынцы – название, придуманное автором, а не её бабушкой, это обсуждению не подлежит. Хочется воскликнуть: «Ну как же

вы, «Золотоордынцы», допустили, чтобы вас притесняли какие-то русские мужики?» Средневековые национальной жизни в тридцатых я должен воспринять, как свободу, в которой Сулейха наслаждается жизнью с любимым мужем и «мягкой» свекровью, которую зовёт Упыриха, сдаётся мне, она же тоже была невесткой, и теперь мстит за свои собственные унижения. Я читаю: «Не мешайте нам жить, как мы хотим!»

— Не отдам! – хрипит Муртаза. – В этот раз ничего не отдам!

Получается они труженики, а мы, русские, дармоеды, желающие всё отнять и поделить. Мой дед, насколько я его помню, без дела не сидел, но на свою жену никогда не кричал. Козы, куры, пчёлы и работа в котельной, чем не пример простой рабоче-крестьянской жизни, хотя женились они задолго до революции, и моя бабушка часто вспоминала приятные события жизни при царе.

— Куда же спрятать яйца? На морозе треснут... – пишет автор. В этом месте я улыбаюсь, вспоминая Джека Лондона, который описывал замороженные яйца, как величайший деликатес на Юконе.

Когда Зулейха укладывала последние яйца (в котёл), дверь со скрипом открывается. — Муртаза! Руки сводит от неожиданности, скорлупа еле слышно хрустит. Сердце превращается в вязкий кисель, как треснувшее в руке яйцо, стекает по рёбрам вниз к похолодевшему животу.

Животный страх на протяжении всего

романа: страх перед мужем, свекровью с именем Упыриха, переходит в страх перед красноордынцами и не понятно, какой из этих страхов унизительнее, ядовитее и смертельнее. Автор заявляет, что её предки воевали с татаро-монголами! Кто же тогда потомки Чингиз-Хана? Жители Улан-Батора?

Пройдоха Горелов, прошедший через унижения от своих, русских, ставший офицером, всеми силами пытающийся унижить соплеменников, районный начальник НКВД Кузнец из тех, кто пел: «Мы кузнецы и дух наш молод», готовый на любой подлог ради укрепления собственного могущества. Все персонажи несут определённый негативный смысл.

Зулейха выкармливает ребёнка собственной кровью, это гениальная находка, чтобы показать глубину любви матери. Может быть, так рождаются вампиры?

Невероятным образом среди русских негодяев появляется Игнатов, революционер-нигилист, преданный идеям революции, который иногда считает раскулаченный контингент людьми. Он, начальник поселения, один единственный персонаж, который совершает мужественные поступки и чувствует вверенному отряду униженных людей. Он не обращает внимания на национальности, которых наверняка, среди сильных, множество, и всеми силами пытается вразумить народ на начальных этапах, когда голод и холод были невыносимыми. Он охотится, и очень хочет под-

стрелить медведя, но ему это не удаётся, а Зулейха стреляет первый раз в жизни и у неё получается. Чудо!

Интеллигенция представлена, выживающим из ума доктором немецко-еврейского происхождения, который беззастенчиво верил своей служанке, Груне, а она его кинула, уплотнила и, естественно, подавилась отхлупанным куском. Напрягает полоса раздела: с одной стороны угнетённые, трудолюбивые, культурные татары, а им в противовес растрёпанная голытьба, дорвавшаяся до власти и опьяневшая от дармовых подушек, ковриков и картофеля с яйцами, которые они конфискуют.

Мне напоминает это хохлацкий беспредел, который сейчас творится в Киеве. Угнетённые, заморенные голодом украинцы напрочь забыли, как их «национальные герои» подчистую конфисковывали хлеб у собственного крестьянства и раскулачивали своих же родственников, лишь бы показать преданность идеям революции, а в награду получали жильё и пайки.

Россия виновата во всём? Я не против того, что в революционные годы творились беззакония, но при этом массово гибли именно русские, гибли и татары, башкиры, белорусы, украинцы, все остальные нации, которые собрались под защитой царской империи, а по наследству перешли в империю большевистскую. Хочу лишь подчеркнуть, что если изучить национальный состав тех, кто делал революцию, то русские фамилии там далеко не преобладают.

Сегодня антисоветизм превращён в одно из средств маховой русофобии. Не потому ли по роману Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» уже написан сценарий и снимается фильм. Здесь, как говорится, без комментариев...

ПАНОРАМА

«Смена» встречала гостей

25 октября в г.к. Анапа (с. Сукко) во Всероссийском детском центре «Смена», созданном для ранней профессиональной ориентации школьников, прошёл День открытых дверей. В числе организаций (молодёжных и работающих с молодёжью), приглашённых для встречи с ребятами, был и Союз писателей России (Краснодарское региональное отделение).

К большому сожалению, обменяться опытом общественным объединением между собой не удалось, как и не удалось толком представить широкому кругу присутствующих школьников направления работы с молодёжью. Когда мы поняли, что переключать музыку, гремящую на всю рабочую площадку, и доносить до юных сердец, как важна работа краевой писательской организации – бесполезно, мы начали просто вести с ребятами диалог... о них же самих, об их отношении к литературе, книгам. На мой взгляд, в данной атмосфере, такой подход оказался верным. Среди ребят и девчонок из разных уголков России нашлись те, кто пишет стихи и прозу. С большой охотой и интересом они рассказали нам о своих творческих опытах, о том, что побуждает их писать, и о том, что они хотят сказать своему читателю. Жадно впитывали ребята наши

советы начинающим авторам. Результатом стал обмен контактами для дистанционной работы с юными поэтами и прозаиками.

Меня особенно впечатлило знакомство с пятнадцатилетней школьницей из города Печора (Республика Коми). Её неподдельный интерес к книгам вызвал у меня восторг! Когда я спросила, что она любит больше всего читать, она назвала книги таких авторов как: Д. Оруэлл, Р. Брэдбери и немного смутилась, мол, «старомодная зарубежная классика». Нет, не старомодная! «451 по Фаренгейту» – это разве не современная действительность? На моей полке стоят точно такие же книги...

Из слов школьницы я узнала, что в их городе нет ни одного книжного магазина. А из двух городских библиотек – закрыли детскую! Тут даже комментировать не хочется – нет слов! О существовании же в Печоре литературных кружков для молодёжи девушке не известно. Был когда-то при школьной библиотеке, но... оказалось, вести его некому, некогда, да и, по мнению местных руководителей, незачем, наверное.

«Как обстоит вопрос с русской классикой?» – спрашиваю её.

«Предыдущий учитель не могла нас заинтересовать. И лично я не читала ничего! по программе, хотя обожаю книги... Сейчас у нас другая учитель» – ответила она.

И я вспомнила собственный опыт. В 11 классе я сменила школу и вместо пятёрки по литературе в моём дневнике краснели жирные двойки. А сочинения я, оказываясь, не умела писать вообще...

Возвращаясь к Дню открытых дверей в «Смене», ещё раз убедилась, что проводятся в нашей стране некие круглые столы и конференции, а вот книги, знания и интерес к здоровой литературе сжигаются на все 451 по Фаренгейту!

Но я точно знаю, ради чего была на этой встрече. Ради этих светлых детских глаз, в которых живой интерес, неподдельное любопытство, стремление узнать и состояться! Ради глаз, в которых после нашей встречи, загорелась надежда: они тоже смогут творить, их первые, самые искренние и сокровенные произведения будут прочитаны.

Даже пара таких широко раскрытых глаз – счастье!

Савченко Элина,
руководитель СМЛК
при КРО Союза писателей России

СНОВА ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ!

Новый творческий проект, музыкально-поэтическая гостиная «Витражи», появился в ноябре в расписании ценителей настоящего искусства, проживающих в Белореченске. На первую встречу, которая состоялась 3 ноября 2018г. в редакции газеты «Огни Кавказа», смог попасть не каждый. Пропускным билетом в тесный круг избранных стало вдохновение и талант в области авторского исполнения, музыкального или поэтического искусства. Автором идеи и гостеприимной хозяйкой салона стала Виктория Хвалова, которую поддержал Николай Лазуткин, её муж и по совместительству опытный звукорежиссер.

Виктория Хвалова приехала в Белореченск несколько лет назад. Обладая хорошим литературным вкусом и являясь членом Союза писателей России, она попыталась найти своё место в рамках существующих творческих объединений нашего города, однако рамки эти оказались ей тесными. Так родилась идея музыкально-поэтической гостиной.

В большинстве, но ставшим в этот субботний день по-домашнему уютным кабинетом главного редактора, гостей ждала волшебная атмосфера неожиданного для них праздника.

СОБИНФО

ВНИМАНИЕ!

Семинар начинающих литераторов пройдёт в Краснодаре 15 - 16 декабря в Малом зале Кубанского казачьего хора. Начало в 10 часов. Приглашаются участники и слушатели. Регистрация участников с 9 часов 20 мин.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), С. А. Лёвин..

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Адрес для отправки корреспонденции
350000 Краснодар, ул. Коммунаров, 58
тел.: 8(988) 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

<http://sites.google.com/site/sprosia>

и <https://sites.google.com/view/krospr-gazeta>

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ № _____

Подписано в печать

18.10.2018 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная